

АНАСТАСИЯ УГЛЯ

Осколки ПРОШЛОГО

— ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Угля

Осколки прошлого.

Пять лет спустя

Серия «Правила нашей игры», книга 2

<https://litres.ru/74396232>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я вернулась в город, который когда-то покинула разбитой девчонкой. Сыну четыре года, за плечами — пять лет борьбы, работы и надежды. Внутри — сталь. И твёрдая уверенность, что прошлое осталось там, за московской чертой.

Но город помнит всё. И он тоже здесь. Тот, кто когда-то перевернул мою жизнь с ног на голову.

Я не ищу встреч, не хочу возвращаться в старые игры. Я приехала строить будущее, а не ворошить пепел. Только вот прошлое почему-то не спрашивает разрешения. Оно приходит само — взглядом, случайной встречей, дрожью, которую невозможно спрятать.

Я хочу верить, что стала сильнее. Но достаточно ли этой силы, чтобы выстоять, когда судьба снова сводит нас вместе? И готова ли я узнать правду, которую так долго прятала от самой себя?

Это история о возвращении. О выборе. И о том, что некоторые нити не рвутся, даже если их резать.

Содержание

Глава 1 Кира Раевская	4
Глава 2 Глеб Царёв	14
Глава 3 Кира Раевская	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анастасия Угля

Осколки прошлого.

Пять лет спустя

Глава 1 Кира Раевская

5 лет спустя

Самолёт коснулся полосы — глухой толчок, и сердце тут же подпрыгнуло к горлу.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Судьба дышит в затылок. Этот день — рубеж. Я возвращаюсь домой. Паспорт сухо сообщает: двадцать четыре. Но что ему известно? Пять лет назад я была испуганной девчонкой, которую штормило от любого сквозняка. Ломалась. Гнулась. Прятала слёзы в подушку. Теперь — иное дело. Теперь внутри меня звенит стальная пружина. Я стала крепче. Это не хвастовство, это правда. Страх? Да, он никуда не делся, свернулся где-то под рёбрами, но больше не командует парадом. Я научилась кусаться. Ровно так же больно, как когда-то кусали меня. Только теперь этот оскал — на крайний случай. Я не воевать прилетела. В прошлом мне отсыпали сполна. Я прилетела строить. С чистого листа, по кирпичику, в городе, который помнит меня босоногой девчонкой. За

пять лет перевернулось всё...

— *Дамы и господа!* — голос пилота резанул тишину, во-
рвался в мысли, как луч прожектора. — *Наш самолёт со-
вершил посадку в аэропорту Санкт-Петербург. За бортом
плюс двадцать шесть. Спасибо, что выбрали нашу авиаком-
панию.*

Двадцать шесть градусов. Питер встречает меня летним
теплом. Хороший знак. Я отстёгиваю ремень, и по телу про-
катывается жгучая, нетерпеливая волна. Ну здравствуй, го-
род. Теперь — моя очередь.

Поворачиваю голову вправо — и улыбка расцветает са-
ма собой. В соседнем кресле, пристегнутый, как маленький
космонавт, сидит он. Мой сынок. Матвей. Мой персональ-
ный ангел с пшеничными вихрами. Уезжая отсюда пять лет
назад, я была уверена: жизнь кончена. Разбита вдребезги. А
потом — две полоски, как спасательный круг. Я узнала, что
мне есть ради кого дышать. Отец и брат поддержали сразу,
без лишних вопросов. Они и сейчас не знают настоящей при-
чины моего бегства, но даже на расстоянии умудрились об-
нимать меня словами. Не давали забыть: я не одна.

— Сыночек, нам пора, — шепчу, нежно ероша его мягкие
волосы.

— Мама, а кто нас встлетит? — он смотрит снизу вверх с
той самой детской серьёзностью, от которой у меня каждый
раз щемит сердце.

— Нас встретит дядя Кирилл с тётей Сашей.

— О, а Ломка будет? — ну конечно, про Рому сразу.

— Нет, милый, с Ромой увидите у дедушки, — улыбаюсь, беру его ладошку в свою, такую крошечную и тёплую.

Мой маленький человечек пока не дружит с буквой «Р», но мы старательно ходим к логопеду, и порой она уже проскальзывает — робко, как первый луч солнца. Сын у меня умница невероятная. Хотя, наверное, каждая мама так говорит. Но когда он подходит, обхватывает мою шею ручонками и прижимается всем своим маленьким телом, я точно знаю: у меня самый лучший ребёнок на свете.

Мы выходим из самолёта, благодарим стюардов и по телескопическому трапу вливаемся в шумный, гудящий муравейник аэропорта. Вокруг — гул голосов, дробь каблучков, чьи-то объятия и слёзы встреч. Мы движемся к зоне выдачи багажа. За спиной — пять московских лет, упакованных в пару чемоданов. Остальное едет следом транспортной компанией и прибудет через пару дней — как запоздалое эхо прошлой жизни. А настоящая — вот она, начинается прямо сейчас. С этого шага. С этой маленькой ладошки в моей руке.

Два чемодана — большой, набитый под завязку, и маленький, с наклейками-динозавриками — послушно катятся рядом. Мы с Матвеем двигаемся к выходу, туда, где нас обещали встретить. Автоматические двери разъезжаются с тихим шипением, и я шагаю в шумную, солнечную зону прилёта.

И тут же замечаю её.

Сашка стоит с плакатом в руках, огромным, явно само-

дельным, где корявыми, но старательно выведенными буквами красуется: **«Раевская, с возвращением домой!»** Вокруг неё оборачиваются люди, кто-то улыбается. А сама Сашка, едва наши взгляды встречаются, начинает скакать на месте, размахивая своим шедевром так, что плакат хлопает на ветру, как парус. Выдумщица. Улыбка расползается до ушей, и мне хочется хохотать в голос.

Матвей замечает дядю Кирилла первым. Его лицо озаряется такой чистой, щенячьей радостью, что у меня внутри всё переворачивается. Он срывается с места и бежит, лавируя между чемоданами и пассажирами, на весь аэропорт заливаясь звонким:

— Дядя Кир! Дядя Кир!

Кирилл приседает, подхватывает его в охапку и подбрасывает высоко вверх. Мой мальчик взлетает, раскинув руки, и заливается смехом — таким залиvistым, что прохожие невольно улыбаются. У меня сердце щемит от этого зрелища. Ему не хватает мужского плеча, мужских рук, мужского «давай, пацан, ты справишься». За пять лет у меня никто не появился. Отец приезжал, но редко, Денис тоже не мог вырываться часто. Крёстный Матвея, Артём, старался как мог, но два года назад он женился, а год назад стал отцом очаровательных двойняшек — Максима и Алисы. Своя семья, свои заботы. А мы с Матвеем — мы всё это время были вдвоём против целого мира.

Подхожу к Сашке и тут же проваливаюсь в её объятия —

крепкие, жаркие, родные.

— Вот это встреча, — выдыхаю я, тихо посмеиваясь.

— Ну так, — она отстраняется, хитро подмигивает, — кого встречаем-то!

Кирилл аккуратно ставит сияющего Матвейку на ноги, а затем наступает моя очередь. Его руки смыкаются вокруг меня — братские, надёжные. Кирилл знал. Он единственный, кто знал всю правду, без прикрас, без утешительной лжи. Все эти годы, пусть и на расстоянии, он был моей жилеткой, моим спасательным кругом.

— Кирёнок, как я скучал, — шепчет он мне в макушку.

— Кир, мы виделись два месяца назад, — пытаюсь отшутиться, привычно пряча нежность за бронёй иронии.

— Язва, — беззлобно фыркает он, выпуская меня из объятий.

Я поднимаю на него глаза, улыбаюсь — и вдруг *замираю*. За его плечом, в толпе, движется силуэт. Мой призрак. Моё прошлое, которое, казалось, осталось в другой галактике.

Сердце бухает вниз, в пятки, а затем застревает где-то в горле. Улыбка сползает с лица, как осенний лист. Ладони мгновенно становятся влажными.

Там, в окружении охранника и каких-то людей в деловых костюмах, идёт *он*. Отец моего сына. Человек, подаривший Матвею эти глаза — серые, как грозовое небо перед бурей, глубокие, с металлическим отсветом. Глеб Царёв. Тот, кто когда-то превратил мою жизнь в пепел. Тот, кто растоптал

моё сердце, даже не потрудившись оглянуться.

Я судорожно перевожу взгляд на Матвея — он, ничего не заметив, держит Кирилла за руку и что-то щебечет о самолёте. Затем снова смотрю туда, где только что был Глеб.

Пусто. Только чужие лица, чужие судьбы.

Облегчение накрывает горячей волной. Я шумно выдыхаю, чувствуя, как дрожат колени.

Пронесло.

Ни Кирилл, ни Сашулька не заметили моего помертвевшего лица. И слава богу. Не хочу, чтобы Кир снова завёлся. Он когда-то пообещал мне — с абсолютно серьёзными глазами, без тени шутки — что если увидит Царёва, набьёт ему морду. Прямо при всех. И ведь набьёт. Я слишком хорошо знаю этот упрямый разворот плеч и желваки на скулах. Не сейчас. Только не сегодня.

Я выдыхаю — медленно, украдкой, словно выпускаю из лёгких ядовитый воздух прошлого. Подхватываю наши чемоданы, и мы двигаемся к выходу.

На парковке пахнет разогретым асфальтом и летней пылью. Кирилл ловко закидывает наши вещи в багажник, а мы с Сашкой устраиваем Матвея в детском кресле. Сын немедленно прилипает носом к стеклу, болтает ножками и что-то тихонько напевает себе под нос — кажется, песенку из мультика.

Машина мягко трогается с места.

— Ну, как там жизнь в Москве? — Кир бросает на меня

короткий взгляд в зеркало заднего вида.

— В вечном движении, — пожимаю плечами. — Но моя московская глава закрыта. Всё, возвращаюсь насовсем. Билет в один конец.

— Молодец, — Сашка оборачивается ко мне с переднего сиденья, и в её глазах — столько тепла, что щиплет в носу. — Давно пора. Мы тут без тебя скисли совсем.

— И я скучала, — голос чуть дрожит. — Без семьи жизнь и не жизнь вовсе. Так... существование.

Я отворачиваюсь к окну. Мимо проплывают бетонные ограждения, рекламные щиты, первые ленинградские сосны. А в голове — кадры пятилетней давности.

Москва встретила меня не парадными открытками, а колючим холодом равнодушия. Восемнадцать лет, ни души рядом, полная потерянности. Я сбежала, не сказав никому ни слова. Отец и Катя нашли только записку на кухонном столе — торопливую, скомканную. Кириллу и Артёму я отправила письмо курьером, прямо в офис, на всю команду. Денису — короткое смс. Трусливо? Возможно. Но тогда мне казалось, что если я скажу хоть слово вслух, то рассыплюсь на атомы.

Обижены были все. Кроме Кира и Тёмы. Эти двое — мои верные рыцари — через два месяца сорвались и приехали. Без предупреждения, без вопросов. А я к тому моменту уже еле держалась на ногах. Пустой взгляд, бледная кожа, ни сил, ни желания бороться. Я открыла дверь, увидела их лица — и мир поплыл. Помню только, как пол ушёл из-под ног, и

темнота накрыла мягкой ватой.

Очнулась в больнице. Белые стены, запах лекарств, перепуганные лица парней. И слова врача — тихие, но оглушительные: «Вы станете мамой». Руки затряслись так, что я не могла удержать стакан воды. В голове — рой мыслей, паника, страх. Восемнадцать. Одна. Без поддержки. Но среди всего этого хаоса — одна мысль, ясная и твёрдая: я возьму на руки тёплый комочек. Мою частичку. И ради этого комочка я выведу. Выгрызу. Вистою.

Машина качнулась на повороте, вырывая меня из воспоминаний. Впереди — город, который я когда-то покинула разбитой девчонкой. А возвращаюсь — матерью. Сильной. Способной за себя постоять. И за своего сына — в первую очередь.

Сорок минут дороги пролетели как одно мгновение. Машина плавно свернула с трассы на знакомую просёлочную улицу и замедлилась у кованых ворот. Тех самых, с витым узором, который я в детстве обводила пальцем, ожидая, пока папа их откроет. За воротами показался он — наш дом. Двухэтажный, с мансардой, с неизменной рябиной у крыльца и чуть покосившимся флюгером на крыше. Я смотрела на него и не могла оторваться.

На меня обрушилось всё разом. Лавина воспоминаний, от которых не спрятаться, не увернуться. Вот мне пять — я качаюсь на старых качелях, привязанных к толстой ветке яблони, и визжу от восторга, пока папа раскачивает меня всё

выше. Вот двенадцать — мы с Денисом носимся по двору, сцепившись в шутливой драке, орём так, что соседский пёс подхватывает лай. А вот тринадцать. Самый страшный год. Запах лекарств, гнетущая тишина в доме, мамины розы, которые в тот год никто не укрыл на зиму. Пустота, которая поселилась в груди и, казалось, не уйдёт уже никогда.

Четыре года мы жили втроём: папа, Денис и я. Четыре долгих года, когда в доме не звучал женский голос. А потом появилась Катя. Мне было семнадцать, я стояла на пороге взрослой жизни — колючая, недоверчивая, всё ещё носящая внутри незажившую рану. Она вошла в нашу семью тихо, без громких слов. Не пыталась заменить маму — просто была рядом. Варила чай с мятой, когда я рыдала в подушку после очередной подростковой драмы. Укрывала розы на зиму — те самые, мамины. Постепенно, шаг за шагом, дом снова ожил.

Жизнь этого дома пронеслась перед глазами, как старая киноплёнка — дёрганая, где-то выцветшая, с тёмными провалами потерь и солнечными вспышками счастья. Родная до дрожи. Защемило под рёбрами так, что я не заметила, как перестала дышать.

Отмерла только когда дверь с моей стороны мягко распахнулась. Я вздрогнула, повернула голову — и утонула. В улыбке. В нежности. В морщинках вокруг глаз, которых пять лет назад ещё не было. Отец стоял у открытой двери машины и смотрел на меня так, словно я всё ещё та самая девчонка

с разбитыми коленками, которая когда-то убежала из дома, не оглянувшись.

Я скосила взгляд на Матвейку. Он спал в детском кресле, приоткрыв рот, светлые ресницы чуть подрагивали. Устал, мой маленький путешественник. Не привык к таким долгим дорогам.

А потом я снова посмотрела на отца — и рванулась вперёд. Босоножки коснулись нагретой брусчатки двора, и в ту же секунду меня накрыло. Медвежьи объятия. Крепкие, жаркие, с запахом дома, табака и скошенной травы. Папа сжал меня так, словно боялся, что я снова исчезну. А я стояла, уткнувшись носом в его плечо, слушая, как где-то в глубине сада заливается соловей, и чувствовала, как по щекам катятся горячие, совершенно беззвучные слёзы.

Я вернулась. По-настоящему вернулась. Дом всё помнит. И мамыны розы цветут. И я помню. Теперь — новую жизнь строить.

Глава 2 Глеб Царёв

Стоило трапу самолёта коснуться земли, как в груди что-то заныло. Не отпускало. Странное, липкое, необъяснимое чувство — словно внутри натянули невидимую струну, и теперь она противно вибрирует, не замолкая. Очередная командировка позади. Всё должно быть как прежде: привычный ритм, чёткий график, любимая работа. Но что-то не так. Что-то выбилось из паза — и фонит, фонит...

Сажу в кабинете. Передо мной разложены чертежи — гостиница для турецкого бизнесмена, амбициозный проект, которым я, по-хорошему, должен гореть. Но линии плывут, сливаются в одну мутную полосу. Я вглядываюсь в эскизы, а вижу совсем другое. Сосредоточиться не выходит. Мысли разбегаются, как стая испуганных птиц. Чертовщина какая-то.

Сжимаю переносицу. Выдыхаю. Нажимаю кнопку внутреннего телефона.

— Ирина Анатольевна, приготовьте, пожалуйста, кофе. Покрепче.

— Хорошо, Глеб Валентинович, — отзывается секретарь с неизменной деловой интонацией.

Откидываюсь в кресле, поворачиваю голову к панорамному окну. За стеклом — серое питерское небо, такое же хмурое, как мои мысли. Кабинет старшего архитектора в компа-

нии отца. Престижно, солидно, всё, о чём мечтал когда-то. Добился. Построил. Выгрыз.

События пятилетней давности я не вспоминаю. Почти. Давно приказал себе забыть. Но иногда — вот как сейчас — из тёмных закоулков памяти всплывает образ. Лицо. Та, что разорвала моё сердце в клочья. Без жалости, без объяснений. Я гоню это видение прочь — жёстко, как надоедливую муху. Не смей. Закрыто. Моё сердце на замке с того самого дня.

Со стороны, наверное, всё выглядит идеально. Успешный архитектор, наследник семейного бизнеса. А ещё у меня есть жена. Красивая, ухоженная, статусная. Чем не счастливый человек? Только я об этом подумал.

Дверь кабинета распахивается с грохотом. Без стука, без предупреждения.

— Дорогой, а ты почему не заехал домой? — летит с порога пронзительное, без всякого «здравствуй».

Я медленно, очень медленно поворачиваюсь в кресле. Начинается.

— Привет, Яна. У меня работы по горло, — выдыхаю я, не поднимая глаз от чертежей. В висках уже начинает противно пульсировать.

— Глееебушка... — её голос тянется, как липкий сироп. — Я так соскучилась.

Она движется ко мне через весь кабинет — грациозно, словно по подиуму. Каблуки цокают по паркету, безупречная укладка, идеальный костюм. Красивая женщина. Очень кра-

сивая. Я смотрю на неё и в сотый раз задаюсь вопросом: чем я, чёрт возьми, думал, когда говорил «да»? А ничем. Именно так — ничем. Отключил мозги, поддался давлению, обстоятельствам, да хоть чему. Только не себе.

Она не глупа — нет, с мозгами у неё порядок, иначе не управляла бы собственным бизнесом так лихо. Но мы с ней смотрим в разные стороны. Даже не так — в разные вселенные. Она упорно делает вид, что не замечает очевидного, потому что ей так удобно. А меня тошнит от этого «удобно». Я не хочу жить в театре абсурда, где каждое утро мы надеваем маски и делаем вид, что у нас всё прекрасно.

Она обходит кресло, её ладони опускаются на мои плечи. Пальцы с идеальным маникюром легонько сжимают мышцы. Меня передёргивает — едва заметно, но она предпочитает этого не замечать.

— Ян, вот скажи... тебе не надоело? — цежу сквозь зубы.

— Не надоело что, котик? — мурлычет она мне в самое ухо, обдавая запахом дорогих духов.

Всё. Финиш. Стоп-кран сорван. Чаша моего терпения — та самая, что наполнялась годами, — перелилась через край и с грохотом обрушилась на пол.

— Яна, блять! — рывкаю так, что она отшатывается.

Я резко вскакиваю с кресла, сбрасывая её руки, как что-то липкое и неприятное. Делаю шаг в сторону, запускаю пальцы в волосы.

— Я сто раз тебе говорил: хватит играть! Хватит! Что

непонятного в том, что из нас не вышло пары, где оба любят друг друга? Я не собираюсь прямо сейчас бежать за разводом, но не лезь ко мне! Не делай вид, что у нас всё нормально! Ясно?! Я уже не знаю, как до тебя донести: Я. Не. Люблю. Тебя.

На секунду в кабинете повисает тишина. Звонящая. Я тяжело дышу, пытаюсь успокоиться. А она... она смотрит на меня с выражением снисходительной заботы, как на капризного ребёнка.

— Глебушка, ты просто устал после перелёта. Не заводись. — Её голос мягкий, почти ласковый. — Я вот что подумала... нам нужен ребёнок. Он укрепит наш брак.

Я открываю рот, чтобы сказать, что она ебанулась, но она уже вскидывает ладонь — царственным жестом, останавливая меня на полуслове.

— Тсс, ничего не говори сейчас. Поговорим потом. А я поехала по делам.

Проходит мимо меня, небрежно похлопывает по плечу — как дрессированного пса. Дверь за ней закрывается с мягким щелчком.

Я стою как громом поражённый. Какой, к чёрту, ребёнок? Блять. Блять. БЛЯТЬ. Как же меня всё это достало! Смотрю на закрытую дверь, и в голове — каша из злости и недоумения. Зачем мне этот брак? Ей-то он зачем? У неё, сука, любовник есть — мои люди докладывают исправно, слежка ведётся уже полгода. Она прекрасно знает, что я в курсе. И при

всём при этом приходит сюда и втирает мне про «укрепить брак ребёнком».

Я, кажется, погорячился насчёт того, что у неё есть мозги. Забудьте. Никаких мозгов там нет. Совсем. Абсолютный вакуум, прикрытый дорогими духами и голливудской улыбкой.

Я тяжело опускаюсь обратно в кресло. Голова, и без того гудящая после перелёта, теперь пульсирует с новой силой — мерзко, настойчиво, в такт сердцу. Смотрю на разбросанные по столу чертежи и понимаю: всё. Не вытяну. Линии не просто плывут — они издеваются надо мной. Ни одной дельной мысли.

Откидываюсь на спинку, прикрываю веки. Хоть на минуту отключиться от этого дурдома. Тихий стук в дверь.

— Войдите! — рявкаю, не открывая глаз.

Каблуки Ирины Анатольевны цокают по паркету — осторожно, почти неслышно. На стол опускается чашка с кофе. Аромат — густой, горьковатый — щекочет ноздри. Раньше бы вдохнул с наслаждением, а сейчас даже на это сил нет. Дверь закрывается с мягким щелчком. Тишина.

Я так и сижу с закрытыми глазами. Кончился. Выжат до дна. Ни на работу, ни на жену, ни на эту чёртову жизнь — ничего не осталось. Просто пустота. Тянусь к чашке вслепую, делаю глоток. Обжигающий кофе прокатывается по горлу, и на секунду — всего на одну крошечную секунду — отпускает. Тепло разливается в груди, отгоняя мерзкий холодок, поселившийся там с утра.

Внутренний телефон раздражается трелью.

— Глеб Валентинович, — голос секретаря звучит осторожно, — к вам Владислав Валентинович. Пропустить?

— Пусть зайдёт, — выдыхаю я, уже предчувствуя, что покой мне только снился.

Дверь распахивается — и на пороге возникает брат. Не весёлый. Даже не просто хмурый. Злой. Такой злой, что желваки на скулах играют, а в глазах — штормовое предупреждение.

— Ну что ж, братишка, — он проходит к столу, плюхается в кресло напротив. — Пришёл к тебе с новостью.

Я напрягаюсь мгновенно. Спина выпрямляется сама собой.

— Что, блять, ещё случилось?

— Разосрался окончательно с отцом. И сваливаю я из стен этой компании. В свободное плавание.

Я выпадаю в осадок. Просто смотрю на него и не могу слова выдать. Влад — и уходит? Из компании, которую строил годами, в которую вложил столько, что иному на три жизни хватит? Но уже через секунду в груди разливается тепло — совсем другое, не от кофе. Радость. Чистая, неподдельная. Хоть кто-то вырвется из железной хватки нашего дражайшего батюшки. Хоть кому-то хватило духу.

— Ухххх... — выдыхаю я, качая головой. — И куда теперь?

— Да не переживай ты, — Влад откидывается в кресле,

и в его взгляде впервые за весь разговор мелькает что-то похожее на азарт. — Слышал про Арсения Вяземского?

Я хмыкаю.

— Шутишь? Гениальнейший адвокат по уголовному праву. Легенда, а не мужик. Но ты же по уголовному не специализировался.

— Не специализировался, — кивает он. — Но он открывает новый офис и ищет партнёров. По экономическим преступлениям уже нашёл кого-то — девушка какая-то. Говорит, у неё последнее дело было — охренеть какое громкое. Подробностей пока не знаю, не вникал. А я договорился, что возьму на себя гражданское и административное право. Сам прикинь: Арсений занимается убийствами, тяжкими преступлениями — ему нужен широкий спектр услуг, чтобы клиентов не терять. У него будет пятьдесят процентов, у нас с этой девушкой — по двадцать пять. Честно. Я считаю, справедливо.

Он замолкает, глядя на меня в ожидании реакции. А я смотрю на брата — и впервые за этот бесконечно длинный, дерьмовый день чувствую что-то, отдалённо напоминающее надежду. Хотя у кого-то жизнь разворачивается в правильную сторону.

Брат ушёл так же стремительно, как и появился — только воздух за ним закружился. У него теперь забот полон рот: передать все дела своему заму, разрулить бумажный ад, который копился годами. А я... я вернулся к работе. Вернее,

попытался.

За чертежи так и не взялся — не тот день, не то состояние. Но проверить документацию по проекту, вычитать договоры, пройтись красной ручкой по сметам — это я смог. Рутинка. Спасительная, монотонная, она хоть как-то заглушала шум в голове. Цифры, пункты, подпункты. Строчки больше не плыли.

Когда я наконец оторвался от бумаг и бросил взгляд на часы, стрелки показывали пять вечера. Ехать домой? К Яне? К её «котикам», мурлыканью и гениальным идеям о ребёнке? Ну уж нет. Сегодня — точно нет. И без того на пределе.

Я достаю телефон и открываю чат. Наш. Тот самый, где мы все ещё остаёмся собой, несмотря на прожитые годы и нажитые семьи.

Глеб: «Здарово, парни! Давайте сегодня завалимся в какой-нибудь бар? Отпроситесь у своих жёнушек, мои ж вы каблочки #####»

Ответ прилетает мгновенно — будто все только и ждали повода.

Ян: «Я сегодня могу, моя у родителей»

Макс: «Я в целом тоже, Ангелок отпустила к её братику»

Дам: «Парни, я подвалю, но ненадолго!»

Усмехаюсь, глядя на экран. Пять лет — целая вечность. Когда-то мы были просто компанией холостяков, готовых сорваться куда угодно в любое время суток. Теперь... Дамир — женат. Два года как. И на ком — на Лизе! Лучшей подруге

той, чьё имя я запретил себе даже мысленно произносить. У них сын, полтора года, счастливые, настоящие. Макс — вот уж поворот — теперь мой зять. Их с моей сестрой мелкому скоро год, а я до сих пор не могу привыкнуть, что этот оболтус называет меня «шурин». Ян пока держится — не женат, но уже год как с девушкой, полгода живут вместе. Дело явно к тому идёт.

Собираемся мы теперь реже. Работа, дома, семьи, дети — всё это разбросало нас по разным орбитам. Но сегодня мне это нужно как воздух. Разговор с парнями. Без масок, без притворства, без светских улыбок. Просто свои. Просто в баре. Просто выдохнуть этот бесконечно длинный, дерьмовый день.

Глава 3 Кира Раевская

На кухне пахнет ванилью, свежей зеленью и чем-то умопомрачительно мясным — мы с Сашей помогаем Кате колдовать над ужином, и у меня в кои-то веки на душе тихо. По-настоящему тихо. Из распахнутого окна доносится заливиственный детский смех и басовитый голос папы — там, во дворе, они с Кириллом гоняют мелких, и судя по визгам, Матвейка в полном восторге.

Как же хорошо дома.

Папа с Катей расстарались на совесть. Детская для Матвея — это просто мечта, сошедшая с экрана ноутбука. Всё, о чём он когда-то лепетал деду по видеосвязи или шёпотом, когда тот приезжал к нам в Москву, — всё воплощено. Космический потолок со звёздами, кровать-машинка, полки с книгами, о которых он только заикался. Дед — волшебник, и точка.

А моя комната... моя комната осталась нетронутой. Заходишь — и замираешь. Ничего не изменилось: те же шторы, тот же письменный стол, даже книги на полках стоят в том же порядке. Словно время замерло и ждало меня. За это Кате и папе отдельное, огромное, до щиплющего носа спасибо. Они сохранили мою нору. Мой островок.

Я машинально бросаю взгляд в кухонное окно, выходящее во двор, — и застываю с полотенцем в руках. Автоматиче-

ские ворота плавно разъезжаются, пропуская во двор знакомый автомобиль. Сердце подпрыгивает.

Денис. Братик.

— Сашка, Дэн приехал! — выкрикиваю я, уже срываясь с места.

Я вылетаю из кухни, проношусь коридором, распахиваю входную дверь и выскакиваю на крыльцо — и чуть не спотыкаюсь на бегу. Замираю.

Ничего себе.

Это не просто Денис. Это целый десант. Машина уже пустая, а рядом с братом стоят Руслан, Мишка, Мирон — все, кого я не видела целую вечность. Только Тёмки нет, но я знаю: он сейчас не в городе, приедет послезавтра. И правильно приедет — повод грандиозный: юбилей нашего отца. Ради такого стоило собраться всей оравой.

На секунду я застываю, впитывая эту картину: они стоят во дворе моего детства — выросшие, возмужавшие, родные до мурашек. А потом ноги сами несут меня вниз по ступенькам, и я с разбегу влетаю в объятия брата. Крепкие, жаркие, сгребавшие в охапку так, что рёбра трещат.

— Кирюха, — выдыхает Денис куда-то мне в макушку, и я чувствую, как его голос вибрирует в груди. — Дома.

И я окончательно, бесповоротно понимаю: да. Дома. По-настоящему.

Я мягко отстраняюсь от брата, а он не отпускает — берёт моё лицо в свои широкие ладони, большими пальцами

невесомо, почти нежно стирает мокрые дорожки с моих щёк. Молча. Без лишних слов. Так, как делал в детстве, когда я приходила к нему с разбитыми коленками.

За его спиной — тишина. Парни застыли. Я ловлю их взгляды — странные, нечитаемые, какой-то коктейль из шока, узнавания и ещё чего-то, чего я пока разобрать не успеваю. И тут Руслан не выдерживает:

— Так вот что за сюрприз! — вырывается у него так громко и искренне, что я вздрагиваю от неожиданности.

Мирон тут же подхватывает, пихая Дэна в плечо:

— Ну ты, блин, конспиратор! Мог бы хоть намекнуть, что сеструха возвращается!

А потом вперёд выступает Мишка. Смотрит на меня так пристально, чуть склонив голову, и на его лице — искреннее, почти мальчишеское восхищение. Он разглядывает меня, словно видит впервые, и наконец выдыхает:

— Кира... охренеть, какая ты стала!

Я приподнимаю бровь, пряча улыбку, и решаю его немножко подразнить. В конце концов, имею право — столько лет не виделись.

— Какая, Мишань? — спрашиваю лукаво, чуть склонив голову к плечу.

Он на секунду теряется, краснеет даже, кажется, но тут же расплывается в улыбке и честно, без прикрас выдаёт:

— Да я бы не узнал тебя, пройди ты мимо. Совсем другая стала. Повзрослела. Похорошела — сил нет.

— О, Мишка комплименты раздаёт, пиши-пропало, — фыркает Руслан, и все взрываются хохотом.

А я стою посреди этого гвалта, посреди их голосов, подначек и тёплых взглядов, и чувствую, как внутри разливается что-то щемяще-счастливое. Мои мальчишки. Мои верные рыцари. Все приехали. Все собрались. Как раньше. Почти как раньше — только теперь я другая. И жизнь другая. И всё только начинается.

И тут тишину двора пререзает звонкий, как колокольчик, детский голос:

— Динь-Динь приехал!

Я оборачиваюсь — и сердце пропускает удар от умиления. Мой Матвейка несётся через весь двор, размахивая руками, как маленький самолётчик. Ножки в кроссовках мелькают так быстро, что кажется — сейчас взлетит. Глаза горят, светлые вихры разлетелись в разные стороны, а на лице — такая чистая, незамутнённая радость, что у меня ком в горле встаёт.

Денис смотрит на него — и расцветает. Улыбка до ушей, все тридцать два зуба наружу. Он приседает, расставляет руки, и в следующую секунду Матвейка с радостным визгом влетает в его объятия. Брат подхватывает мелкого и — р-р-раз! — подбрасывает высоко в воздух. Мой сын взмывает над землёй, раскинув руки в стороны, и заливается таким счастливым хохотом, что даже птицы с рябины срываются.

— Как ты вырос, Матвейка! — говорит Денис, прижимая его к груди и с притворной строгостью заглядывая в лицо.

Матвей, всё ещё тяжело дыша после пробежки, вдруг становится очень серьёзным. Сводит бровки, расправляет плечи — вылитый деловой человечек — и выдаёт с той неповторимой важностью, на какую способны только четырёхлетние мужчины:

— Динь-Динь, я уже взлослый!

«Р» всё ещё даётся ему с трудом, но сегодня — вот прямо сейчас — она почти прозвучала. Почти чистая, почти взрослая, почти как надо. Я переглядываюсь с Денисом, и мы оба прыскаем от смеха — тихо, украдкой, чтобы не обидеть этого серьёзного господина.

— Взрослый, конечно, — соглашается брат, легонько щёлкая его по носу. — Только «взрослый» пишется через «эр». Скажи: р-р-р-рослый.

— Л-л-лослый! — старательно выговаривает Матвей и сам морщится от результата.

Парни за нашей спиной грохают смехом — тепло, беззлобно. А я смотрю на эту картину и чувствую, как внутри разливается что-то огромное, светлое, почти забытое. Семья. Мой сын смеётся в руках моего брата. Мои друзья — вот они, рядом. Дом — настоящий, живой, тёплый — обнимает нас со всех сторон.

Мы всей гурьбой заваливаемся в дом — шумно, весело, с хохотом и толкотнёй в дверях, как в старые добрые времена. В воздухе витает одуряющий аромат: Катя с Сашкой уже почти накрыли на стол, и судя по запахам, ужин обещает

быть грандиозным. Денис с парнями не подкачали — притащили огромный, килограммов на десять, полосатый арбуз, который тут же занял почётное место в центре стола. А к нему — гору всяких вкусностей для детей: мармелад, фрукты, сок, печенье с предсказаниями. Малыши уже крутятся вокруг, как пчёлы над ульем.

Я оглядываю эту картину и невольно усмехаюсь: наш дом плавно, но уверенно превращается в филиал детского сада. Моя младшая сестрёнка Оленька — Катя назвала дочь в честь мамы, и у меня каждый раз сердце сжимается от этого тихого, светлого жеста — носится между взрослыми с бантом на макушке. Ромка, сын Саши и Кирилла, что-то деловито объясняет Матвейке, размахивая игрушечным самолётиком. А их крошечная Викуля, которой только-только исполнилось два, сидит на руках у Кирилла и сосредоточенно ковыряет пальчиком его нос. Четыре ребёнка. Четыре маленькие вселенные под одной крышей.

Я перевожу взгляд на Дениса. Мой брат сидит рядом, довольный, расслабленный, и с умилением смотрит на всю эту детскую суету. И тут меня накрывает.

— Денис Дмитриевич, — начинаю я вкрадчиво, разворачиваясь к нему всем корпусом и добавляя в голос максимальную ехидцу, — подскажите мне вот какую вещь... а когда мы на свадьбе вашей гулять будем?

У брата глаза становятся круглыми, как блюдца. Нет, не так — как два чайных блюдца с ободком. Он замирает с от-

крытым ртом, и на его лице проносится целая гамма эмоций: от шока до тихой паники. Прямо вылитый человек, который действительно тайно женился и теперь судорожно придумывает, как признаться.

— Кира, ты перегрелась? — выдавливают он нервно и тянет пальцем за ворот футболки, будто тот стал ему вдруг маловат.

Я не упускаю момента. Поворачиваюсь к отцу и с самым невинным выражением лица добиваю контрольным в голову:

— Так-так-так... Пап, я бы на твоём месте проверила его паспорт. А вдруг там уже штамп стоит? О браке? Или того хуже — дети вписаны.

За столом повисает театральная пауза. Все взгляды скрещиваются на Денисе. А он... Он сглатывает. Да так громко, с таким характерным булькающим звуком, что слышат абсолютно все. Этот звук — громче всяких слов.

— Дэн! — хором выдыхают Сашка и Катя.

— Ну-ка, ну-ка, — папа откладывает вилку и медленно, очень медленно поворачивается к сыну. В его глазах загорается тот самый опасный огонёк, который не предвещает ничего хорошего.

А я откидываюсь на спинку стула, скрещиваю руки на груди и с торжествующей улыбкой наблюдаю за братом. То-то же, Дениска. Попался.

— Так, семейство! — Денис хлопнул ладонью по столу и обвёл всех взглядом, в котором причудливо смешались

мольба, угроза и лёгкая паника.

— Не надумываем ничего! Я вам расскажу, что происходит в моей жизни, когда сам разберусь. Расскажу всем и сразу! Честное слово!

Он резко развернулся ко мне, прищурился и ткнул в мою сторону указательным пальцем, изображая сурового старшего брата:

— А ты, козочка мелкая, не лезь в дела старшего. Поняла?

Я фыркнула — так громко и искренне, что сидящий напротив Мишка поперхнулся соком.

— Ой, больно надо! — отмахнулась я и рассмеялась, глядя в его насупленное лицо. — Ладно, Дениска. Никто на тебя не давит. Как захочешь — расскажешь. А не захочешь — будем мучить тебя вопросами каждые полчаса. Идёт?

— Умница! — выдохнул он с явным облегчением, но тут же задумался, будто переваривая мою последнюю фразу. Потом мотнул головой и переключился: — Ну а теперь ты рассказывай. Какие планы? На новую жизнь? Раскрывай карты, сестрёнка, ты же явно не просто так вернулась.

Я откинулась на спинку стула, обвела взглядом всех сидящих за столом — родные лица, выжидательные улыбки — и решила, что скрывать нечего. Тем более от своих.

— Ну... завтра с утра у меня деловая встреча. Не знаю, слышали или нет — Арсений Вяземский.

Эффект был мгновенным. Все как по команде активно закивали. Ещё бы — кто в юридическом мире не знает Вязем-

ского? Легенда. Человек, который вытаскивал, казалось бы, безнадежные дела. Гроза прокуроров и любимец прессы.

— Так вот, — продолжила я, чувствуя, как внутри просыпается знакомый профессиональный азарт, — он расширяется. Открывает новый офис и ищет партнёров. Да, вложения не маленькие, — я сделала паузу, — но я за пять лет в Москве скопила достаточно. Он предлагает мне двадцать пять процентов. Контрольный пакет, конечно, у него, но мне без разницы. У меня будут свои клиенты, своя команда, свои люди в подчинении. И главное — мой профиль. Экономические преступления. То, в чём я реально разбираюсь.

Я замолчала. За столом повисла тишина — но не напряжённая, а какая-то... гордая, что ли. Папа смотрел на меня с плохо скрываемым восхищением. Катя прижала ладони к груди. А Денис — мой вечно скептический брат — вдруг широко улыбнулся и поднял стакан с соком, будто произносил тост.

— Двадцать пять процентов у Вяземского? Кирюха, да ты круче, чем я думал. Жму руку.

— Сначала завтрак, потом рукопожатия, — рассмеялась я, но в груди уже разгоралось тёплое, радостное предвкушение. Новая жизнь, о которой я мечтала все эти годы, начиналась. И начиналась она за этим самым столом. С этих самых людей. В моём доме.

Вечер догорал мягко, по-домашнему. Мы сидели у камина — того самого, старого, обложенного потрескавшимся кир-

пичом, — и пили чай. Огонь тихо потрескивал, отбрасывая на стены тёплые, пляшущие тени. Разговоры текли лениво, перескакивая с одного на другое: вспоминали детство, смеялись над какими-то дурацкими историями, строили планы. Уют. Настоящий, густой, как бабушкин плед.

Потом ребята засобирались. Объятия в дверях, шутливые «до завтра» и «не теряйся», гул отъезжающих машин за воротами. Дом постепенно затихал. Катя с папой ушли к себе, Сашка с Кириллом уложили своих и тоже скрылись в гостевой. А я, укачав Матвея в его новой, сказочной комнате — той самой, где с потолка светят звёзды, а кровать похожа на гоночный болид, — побрела к себе.

За пять лет дом изменился. Не внешне — стены те же, половицы скрипят так же, запах дерева и травы тот же, — но внутри, по сути. Денис съехал, теперь у него своя квартира в центре. Его комната, как и моя, осталась нетронутой — словно музейный экспонат, застывший во времени. Зато появились три детские. Три! От одной мысли об этом голова шла кругом. Дом, где раньше звучали наши с Дэном ссоры из-за пульта от телевизора, теперь наполнен топотом маленьких ног, смехом и бесконечными «мам, а почему?». Непривычно. Но как-то... правильно.

Я вошла в свою комнату, прикрыла за собой дверь — и наконец выдохнула. Та самая тишина, которой так не хватало весь день. Родные стены, родной запах, даже подушка лежит так же, как пять лет назад. Я опустилась на кровать,

и пружины привычно скрипнули подо мной. Теперь можно дышать. По-настоящему.

Взяла телефон, машинально открыла чат с Лизой. Наши отношения — странные, запутанные, как нитка, которую пытались связать слишком много раз. Мы не перестали общаться. Просто общение стало... осторожным. С оглядкой. С невидимыми красными флажками, за которые нельзя заходить. Про Матвея она не знает. Тема моих прошлых отношений — табу. Даже намёк — и мы обе тут же переводим стрелки. Про её семью я тоже не спрашиваю. Знаю, что у неё сын, знаю, что муж — хороший человек, но дальше этого знания не иду. Не хочу знать. Не могу.

Она звала меня на свадьбу. Два года назад. Голос в трубке был такой радостный, такой звенящий, что я чуть не сломалась. Но сказала: «Прости, не смогу. Работа». Врала, конечно. Просто не могла оказаться в одном зале с человеком, который предал меня. Который растоптал. Который разбил на миллион осколков и даже не обернулся посмотреть, во что я превратилась.

Я смотрю на экран телефона. На аватарку Лизы — она там смеётся, счастливая, на фоне какого-то парка. И думаю: осколки прошлого не склеить. Можно только собрать их в кулак — до крови, до хруста — и построить из них что-то новое. Что-то своё. Без него. Без той боли. Без того, что могло бы быть, но не случилось.

Я откладываю телефон в сторону. Завтра трудный день.

Завтра — деловая встреча. Завтра — первый кирпичик в мою новую жизнь. А сегодня... сегодня можно просто дышать. Дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.